

Дмитрий Поликанов

РОССИЯ И НАТО: УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВЫХ

В журнале Индекса Безопасности № 4 (87), Зима 2008, мы опубликовали результаты круглого стола, прошедшего в ПИР-Центре, под заголовком «НАТО и глобальная безопасность». В дискуссии в ходе круглого стола, в частности, прозвучала мысль о том, что «у нас нет с натовцами принципиальных стратегических разногласий... Если мы признаем факт, что НАТО является одной из основ европейской безопасности, потому что от поведения НАТО зависит эта европейская безопасность больше, чем от кого-либо, то возникает вопрос: что делать? Можно поконфронтировать, но это сумма с нулевым результатом и не в интересах нашего растущего государства...» Но одновременно прозвучал и вывод о том, что трансформация НАТО из организации военной в организацию политическую осуществляется крайне медленно, и это не может не наносить ущерб интересам России, не ставить под потенциальный удар российские национальные интересы.

Анонс этого круглого стола на обложке журнала – «НАТО – что это за зверь?» – оставлял вопрос открытым и приглашал дискуссию продолжить. Сегодня к ней присоединяется вице-президент ПИР-Центра, председатель Международного Клуба Триалог Дмитрий Поликанов.

В начале апреля 2009 г. прошел юбилейный саммит НАТО. Члены Альянса договорились начать разработку новой стратегической концепции, которая бы отражала характер современных угроз и в соответствии с ними скорректировала миссию Альянса.

В итоговой декларации саммита были отмечены и отношения между Россией и НАТО. Несмотря на целый ряд разногласий, страны-члены Альянса высказались за скорейшее возобновление работы Совета Россия–НАТО (СРН) и продолжение сотрудничества в таких областях, как стабилизация в Афганистане, контроль над вооружениями, разоружение и нераспространение оружия массового уничтожения, включая средства доставки, кризисное урегулирование, борьба с терроризмом и наркотрафиком, борьба с пиратством¹.

Разработка стратегической концепции – хороший повод по-новому взглянуть на сотрудничество НАТО с различными центрами силы, включая и Россию. Насколько возможно развитие партнерства между Брюсселем и Москвой? Или же прежний курс на сдержанную конфронтацию более продуктивен?²

В течение последних лет отношения России и НАТО развивались по синусоиде: от восторга начала 1990-х гг. и попыток пойти на сближение и присоединиться к программе «Партнерство ради мира» до поиска новых вариантов отношений в связи с первой волной расширения, от заморозков после налетов на Косово до блатания после террорис-

П
О
Л
Е
М
И
К
А

тических атак на США в 2001 г. и начала операции в Афганистане. Затем опять аккомодация, попытка институционализировать нормальные отношения в 2002 г. через создание Совета Россия–НАТО, и снова провал в связи с планами расширения и войной в Грузии.

Нынешнее состояние отношений вызывает стойкое *дежавю*. Похоже, обе стороны опять вернулись в 2000 г. с его *заморозками* и *разморозками*, поверхностными надеждами и осторожными шагами в сторону партнерства. Возникает ощущение, что, победив *призрак коммунизма*, и Россия, и Альянс по-прежнему живут по заветам Ильича: «один шаг вперед, два шага назад».

Последние лет десять стали эпохой упущенных возможностей для Москвы и Брюсселя. Сторонам так и не удалось укрепить доверие, а отношение друг к другу остается довольно скептическим, если не настроенно-враждебным. Большинство историй успеха – совместное миротворчество на Балканах, операция «Активное усилие», штабные учения по ПРО ТВД, учения по ликвидации последствий катастроф, подготовка кадров по борьбе с оборотом наркотиков для афганской полиции, центр переподготовки бывших офицеров российских вооруженных сил – остаются незамеченными или забытыми. По крайней мере, информации о негативных аспектах отношений в СМИ и официальной риторике значительно больше, что отмечают и социологические опросы³.

Программы сотрудничества, планы действий в массе своей существуют лишь на бумаге. Вот уже который год идут разговоры о совместных масштабных учениях, которые готовятся и откладываются, а между тем у России и НАТО нет примеров больших маневров, аналогичных тем, что Москва с завидной регулярностью и помпой проводит со странами ОДКБ или Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Да что говорить об учениях, если несколько лет занял процесс ратификации соглашения о статусе сил, которое наконец-то позволило обеспечить транзит невоенных грузов НАТО и легальное присутствие солдат стран Альянса в России.

Все эти годы стороны были крайне озабочены созданием инфраструктуры отношений. Однако, как выяснилось, горячие линии и многочисленные консультации, рабочие группы и офицеры связи оказываются действенными лишь в мирное время, когда обе стороны равнодушны друг к другу. Но они вдруг становятся абсолютно бесполезными в условиях даже небольшого кризиса, не говоря уже о более серьезных противоречиях – вокруг судьбы ДОВСЕ, признания независимости Абхазии и Южной Осетии, расширения НАТО и учений Альянса вблизи российских границ и т.п. Возможно, недаром говорится: если хочешь убить любое хорошее дело, создай рабочую группу.

Таким образом, если все-таки партнерство между Россией и НАТО необходимо, если оно должно стать состоятельным, то дипломатам придется ослабить галстуки, военным снять мундиры, сесть вместе и, наконец, честно оценить разногласия и те проекты, которые, напротив, сближают Россию и НАТО. Если говорить о предметах для спора, то их список должен быть предельно четким, политически стерильным, лишенным традиционной пропагандистской начинки. А набор общих дел должен включать в себя несколько конкретных проектов. Пусть их будет меньше, чем в совместном плане действий, который ежегодно утверждают Россия и НАТО в рамках СРН, но там обязательно должны присутствовать одно-два крупных мероприятия и набор менее масштабных, но осязаемых вещей, которые и будут создавать атмосферу взаимодействия между сторонами.

ПРЕДАНЬЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ

Для того чтобы партнерство между Россией и НАТО стало явью, обеим сторонам придется прекратить заниматься мифотворчеством. Очевидно, это сложно, учитывая, что в постмодернистском мире политика носит виртуальный характер, а российская политическая действительность уже давно в этом смысле впереди планеты всей. И, тем

не менее, у каждой из сторон есть минимум три мифа, от которых можно и нужно отказаться, продемонстрировав политическую волю к сотрудничеству.

Во-первых, это распространенный в российском общественном мнении стереотип о том, что НАТО угрожает национальным интересам страны. Наличие такой установки подтверждают и опросы общественного мнения (почти две трети россиян видят в Альянсе угрозу и негативно смотрят на этот «агрессивный военно-политический блок»)⁴, и экспертные интервью.

Между тем, национальные интересы России, будучи освобожденными от неприглядной пропагандистской шелухи, как ни странно, отнюдь не противоречат целям Альянса. Россия в силу своей географии обречена быть страной транзита. Это не хорошо и не плохо – это факт, обусловленный самим расположением нашего *Хартленда*. Более того, страна транзита, граничащая с таким большим количеством других субъектов международных отношений, крайне заинтересована в том, чтобы обеспечить себе максимально дружественное окружение. О чем и говорит последняя (да и все предыдущие) редакция Концепции внешней политики РФ.

Решить эту задачу можно разными способами. Можно вкладывать серьезные ресурсы и бороться за восстановление великодержавности. Это поможет проводить более самостоятельную политику на международной арене, использовать авторитет для оказания влияния на соседей и сохранять за счет этого территориальную целостность – вспомним знаменитый принцип А.А. Громыко про *ни пяди земли не отдадим*.

Но есть и другие пути и механизмы. В конце концов, учитывая масштаб российской территории, нынешнее состояние вооруженных сил и серьезную (и даже нарастающую) экономическую мощь соседей, становится очевидно, что удержать территорию военной силой будет крайне тяжело, на какие бы жертвы ради этого ни шла страна. Остановить агрессоров самим фактом *великодержавности* вряд ли удастся. Да и нынешние *оккупанты* предпочитают мягкое экономическое проникновение, которое проходит гораздо менее болезненно в современном глобальном мире.

Можно не постесняться заглянуть в будущее и нарисовать почти апокалиптическую, но вполне реальную картину того, что произойдет в следующие пять-десять лет. На востоке мы видим, как укрепляются экономические позиции Китая, которые в силу объективной логики просто не могут не вылиться в геополитические амбиции. В условиях ресурсного голода (от нефти до воды и территории) после успешной модернизации армии КНР будет обладать всеми инструментами для активной экспансии. И даже негативный сценарий России не поможет: ослабление Китая в условиях экономического кризиса или его распад и внутренняя нестабильность, вызванная обострением социальных противоречий, также не на руку Москве. Там же рядом находится еще один источник проблем – КНДР с ее непрозрачной ядерной программой, неустойчивым режимом и неясными перспективами. А ведь есть еще нерешенный территориальный спор с Японией, которая тоже наращивает свой военный потенциал.

На юге грядет массовая смена режимов и элит в странах Центральной Азии. Хорошо, если этот процесс пройдет эволюционно и безболезненно (как, например, в свое время в Азербайджане или в Туркмении). Но можно предполагать и другой сценарий – рост исламизма, серьезные межклановые противоречия и усиливающаяся конфликтность в отношениях между странами (стоит, например, вспомнить о соперничестве за лидерство между Казахстаном и Узбекистаном и о заминированных границах между некоторыми странами Центральной Азии). Одновременно откроется *зеленый коридор* для наркотрафика, ибо ситуация в Афганистане далека от идеального завершения. Тут же недалеко возникает новая ядерная держава – Иран: дело уже давно не в обретении им этого статуса, а лишь в том, какой масштаб предпримет ядерная программа Тегерана. Одновременно остаются нерешенными многие проблемы на Кавказе – и история последних 20 лет и *замороженных конфликтов* показывает, что самостоятельно их решить Россия не в состоянии.

Далее на запад – ухудшение отношений с Украиной. По мере приближения 2017 г. при неизменности прозападного стратегического вектора в украинской политике и нынешних идеологических установок Москвы усиление напряженности просто неизбежно. Еще хуже, если Киев не сможет сдержать ситуацию и допустит раскол страны – в этом случае, вероятно, многим из российских политологов, которые сегодня ратуют за присоединение восточных регионов Украины, придется пожалеть об исполнении их желаний. Чуть выше – страны Балтии, отношения с которыми также пока не вошли в нормальное русло, несмотря на то, что шансов за 18 лет было достаточно.

И, наконец, еще выше, на север – потенциальный конфликт вокруг Арктики, за которую так ухватились теперь и скандинавские страны, и США, и Европейский Союз.

Как ни грустно это звучит, но у современной России совсем нет друзей. *Потешный полк* – Беларусь, Венесуэла, Никарагуа – неэффективен в случае серьезных кризисов. Гораздо более безобидные ситуации – признание Абхазии и Южной Осетии или принципиальное согласие на отправку белорусских войск в зону конфликта в рамках коллективных сил быстрого реагирования ОДКБ – решаются Минском не в пользу России. А латиноамериканские коллеги так далеко, что их поддержка почти эфемерна.

Трудно рассчитывать и на поддержку ООН. Организация уже давно доказала, что роль *гаранта мира и стабильности* ей не по плечу. Наличие права *вето*, блокирующего любые инициативы, толкает те же США и НАТО, а порой Россию и Китай на действия в обход ООН и международного права. Кто-то делает это более элегантно (уничтожение чеченских террористов в Катаре), кто-то менее (обвинения в одностороннем подходе к международным отношениям в адрес США), но оперативное принятие решений в рамках ООН невозможно. Поэтому серьезные акции могут быть лишь легитимированы постфактум на международной трибуне. К тому же до тех пор, пока США являются главным донором ООН и целого ряда других международных организаций, было бы наивно рассчитывать на равноправный и сбалансированный подход – это не в природе человеческих отношений, а соответственно, и организаций, создаваемых, в конечном итоге, тоже всего-навсего людьми.

Итак, даже если сильно сопротивляться будущему, оно все равно придет. И в условиях глобального экономического кризиса оно может прийти даже раньше, чем все ожидают. По крайней мере, общая нервность в атмосфере ощущается, так же, как и напрашиваются аналогии с серединой 1930-х гг.

Для России пришло время реально оценить риски и угрозы. Бесконечное повторение мантр, уходящих корнями еще в далекое советское прошлое, вряд ли поможет стране выйти из кризиса обновленной, войти в пятерку ведущих стран мира и стать полноценным глобальным лидером, как об этом говорит «Стратегия-2020».

Груз проблем таков, что любые рассуждения о самодостаточности России – это вредное заблуждение. Устаевающий ядерный арсенал, колоссальная зависимость от импорта (в том числе импорта продовольствия), изнашивающаяся советская инфраструктура, истощение нефтяных и газовых месторождений (инвестиционные составляющие минимальны, и это не секрет), демографическая *яма*, выхода из которой пока не видно, отсутствие предпринимательской инициативы и масштабных новых технологических разработок, коммерциализированных инноваций и т.п. – перечислять можно бесконечно.

В общем, сейчас не время для иллюзий. России нужны союзники и партнеры, нужна сеть своих *агентов влияния* в мире, потому что лидерство держится именно на интеллектуальном потенциале.

Человечество пока не придумало иных способов завоевания союзников, кроме:

- доминирования и использования военной мощи (*подавить*);
- экономической помощи (*купить*);

- привлекательной и вдохновляющей модели развития (*повести за собой собственным примером*);
- совпадения интересов (*твои задачи – это цели для подчиненных*).

Очевидно, что ни один из этих приемов не является панацеей. Союзники уходят и приходят, предаются и продаются в полном соответствии с теорией о том, что нет вечных друзей, а есть лишь вечные интересы.

И все же комбинация этих четырех приемов может быть эффективной. Реалистично оценивая российские ресурсы, можно предположить, что процентное соотношение должно быть 20/25/15/40. По крайней мере, на данном этапе, а при необходимости и по ходу развития ситуации оно может меняться в пользу того или иного элемента.

С точки зрения совпадения интересов, Россия обречена на сотрудничество с Европой и с НАТО, ибо, по многократному утверждению лидеров государства, мы принадлежим к европейской цивилизации. Российские национальные интересы достаточно просты – обеспечение безопасности границ и территориальной целостности, стабильность в соседних государствах, экономическая и социальная стабильность в самой России и дальнейшее динамичное развитие страны, улучшение демографической ситуации, борьба с преступностью, экстремизмом и терроризмом, экологическая безопасность... Ни одна из этих целей не противоречит ни целям НАТО, ни возможностям сотрудничества с Альянсом и с Западом, перед которым стоят те же самые проблемы. Не противоречат западным ценностям и те *исконные* российские ценности, которые сформулировал президент РФ Д.А. Медведев в своем Послании Федеральному собранию РФ в 2008 г.

Во-вторых, существует миф, что *НАТО скоро исчезнет*. На протяжении последних 40 лет существования Альянса оно постоянно ставилось под сомнение. НАТО просто живет в перманентном кризисе. То это был выход Франции из военных структур Альянса, то споры вокруг *ракетного кризиса* и *газового кризиса* 1970–1980-х гг., то потеря миссии после распада СССР и окончания холодной войны, то рост *пропасти возможностей* между Европой и США, то потенциальный провал в Афганистане... Кажется, что, по большому счету, воевать-то в Альянсе сегодня некому. И не только потому, что все меньше добровольцев идут в профессиональную армию, а контрактники имеют совсем другую мотивацию, но и из-за постоянного снижения военных бюджетов в Европе (которое только усилится из-за экономического кризиса).

Но, несмотря на все это, НАТО продолжает существовать. И союзникам проще находить общий язык в рамках этой структуры, решать свои проблемы на площадке НАТО, чем создавать какие-то новые платформы. Альянс сохраняет свою привлекательность для потенциальных новых членов и приобретает все более глобальный характер. Ожидать, что НАТО умрет, – значит вновь строить иллюзии, которые выльются в разочарование. Надо думать о том, как выстраивать отношения с Альянсом, а не ждать его мифического распада.

И еще один связанный с этим момент. Почему же тогда Россия так боится угрозы НАТО, если эта организация неэффективна и бесполезна, близка к развалу? Нелогично. Еще более нелогично это выглядит, если учесть, что военная сила в НАТО почти никогда не использовалась для собственно боевых целей, а главным образом служила элементом сдерживания. Попытки применить силу – в Боснии, в Косово или в Афганистане – неизменно наткнулись на ожесточенные споры и, в конечном итоге, то же формирование *коалиций желающих* из очень небольшого числа реальных участников.

Не стоит забывать, что НАТО существует ровно настолько, насколько простирается консенсус составляющих его стран-членов. Это не корпоративное объединение, у Альянса нет собственных вооруженных сил. Это во многом уже политический клуб, который просто объединяет государства с определенным набором ценностей и помогает интегрироваться военным и политикам из разных стран, учит их говорить на одном языке,

дает координацию действий. В этом же и главная проблема – НАТО до сих пор всегда действовала реактивно, потому что члены Альянса не готовы заранее договариваться о порядке действий в будущих гипотетических ситуациях. НАТО не сможет предотвратить новый геноцид где-нибудь в Руанде, потому что на согласование позиций и отправку контингента уйдет очень много времени. Стоит ли бояться такого *бумажного тигра*? Ответ очевиден – нет. Но стоит максимально задействовать в своих целях имеющийся у него потенциал.

В-третьих, есть распространенное мнение, что НАТО – это лишь *игрушка в руках США*, которые только и озабочены тем, чтобы ослабить Россию. Конспирологические теории имеют право на существование, но не должны становиться основой политики. Вашингтон обладает серьезным влиянием на союзников, но он и зависим от них. И раскол вокруг войны в Ираке продемонстрировал это со всей очевидностью.

Россия давно уже не находится в списке главных приоритетов американской внешней политики. Это факт, который отмечают многие российские и западные эксперты. Поэтому мнить себя объектом американских *козней*, по меньшей мере, неразумно. Скорее многие действия американцев вызваны их неповоротливостью *слона в посудной лавке*, который по ходу дела задевает и какие-то интересы РФ.

Кроме того, Соединенные Штаты со всей их непредсказуемостью и односторонними действиями порой несут гораздо меньше подвохов, чем многие российские союзники – те же Беларусь, Казахстан, Кыргызстан или Таджикистан. И просчитать политику США, договориться с Вашингтоном по некоторым вопросам проще, чем с партнерами по ОДКБ или Китаем. Все это лишь означает, что стороны просто должны обеспечить большую прозрачность в своих отношениях и большее уважение к интересам друг друга, чтобы проблема превратилась в возможность.

В свою очередь, от мифов предстоит избавиться и Альянсу.

Во-первых, НАТО и Запад в целом должны *научиться понимать и воспринимать российскую психологию*, логику действий Кремля. Это и исторически унаследованная Москвой вера в великодержавную *особую миссию*, и подозрения в отношении военного альянса, с которым последние полвека были скорее противниками, и недоверие, вызванное нежеланием НАТО держать обещания. Самые большие разочарования тут традиционно два – клятва не расширяться, данная М.С. Горбачеву, и нападение на Сербию, которое и через 10 лет не превратилось лишь в исторический факт, а по-прежнему будоражит умы бывшей сверхдержавы, которая вполне сознательно самоудалилась с Балкан.

К этим психологическим особенностям Альянс должен относиться с терпением и уважением, потому что они, по законам социологии, *реальны в своих последствиях*. Это не паранойя, как кажется некоторым на Западе, – это менталитет, который требует соответствующего уважительного отношения. Пока получается так, что это не Россия непредсказуема, а Альянс не хочет слышать и воспринимать озабоченности Москвы. Любые жалобы на то, что Россия что-то где-то не озвучила, несостоятельны – речь В.В. Путина в Мюнхене, совместные заявления Д.А. Медведева и Николая Саркози, четкость формулировок в Концепции внешней политики и Обзоре внешней политики РФ крайне красноречивы.

Во-вторых, Альянсу стоит прекратить возводить барьеры, иногда излишне поспешно следуя воле радикальных политиков из некоторых стран Восточной Европы. Ведь проблема расширения НАТО не в том, что организация расширилась до российских границ, а в том, что она остановилась у российских границ. Все разговоры о том, что РФ не соответствует демократическим критериям и только поэтому не может быть приглашена к участию в Альянсе, несостоятельны. Критерии не объективированы, а по формальным признакам Россия (даже со сталинской Конституцией) демонстрирует полное соответствие демократическим формам. Или, по крайней мере, ведет себя не хуже, чем режимы Грузии или стран Балтии, которые считаются *достойными* НАТО.

Есть необходимость в открытом диалоге, в который Россия была бы вовлечена на равноправной основе, а не как чужак, против которого все занимают консолидированную позицию. СРН так и не сумел преодолеть этого отчуждения. Очень часто оно становится результатом интерпретаций, трактовок, применяемых лексических форм, интонаций и т.п. Язык тела НАТО пока воспринимается как создание разделительных линий, и Альянс должен приложить определенные усилия, чтобы разъяснить Москве все нюансы своего поведения. Россию нужно более активно вовлекать в проекты НАТО, даже если поначалу она сопротивляется, потому что только через такую совместную работу можно преодолеть взаимное недоверие. В конце концов, искусство диалога состоит не в том, чтобы договариваться с друзьями, а в том, чтобы находить точки соприкосновения с оппонентами, с *крепкими орешками*.

В-третьих, отношениям России и НАТО не суждено существовать в рамках партнерства, если обе стороны не начнут создавать экономическую основу. Звучит необычно, но такой базис будет прочнее любых деклараций. Это и привлечение российской авиации для перевозок Альянса, это и контракты для российского ВПК по модернизации вооружений, это совместное производство новых видов оружия, это обеспечение безопасности трубопроводов, общие программы подготовки и обучения полицейских сил и военных и т.п. Все это будет способствовать созданию лобби – и в НАТО, и в России, которое будет заинтересовано в расширении партнерства. Пока таких групп влияния нет.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Прежде чем начинать любые действия, стоит обратить внимание на особенности российской бюрократической культуры. Нужен сигнал, причем сигнал недвусмысленный и сильный от руководства страны – взаимодействие с НАТО возможно и необходимо. Россия и НАТО больше не враги.

Пока это все закреплено на уровне деклараций, но не стало частью реальной политики. На практике это означает, что антинаатовская риторика и полунамеки должны быть исключены из доктринальных документов РФ и заявлений государственных деятелей. Одновременно антироссийская риторика не должна поощряться в речах и действиях членов Альянса. Подобный настрой следовало бы закрепить с помощью усилий народной дипломатии, взаимным расширением сетей неправительственных организаций, интенсификацией контактов между военными и пиар-акциями, которые изменили бы медийный фон в России и на Западе.

Очевидно, что многие проблемы сегодня возникают именно из-за плохих коммуникаций. Российские СМИ практически не представлены на Западе, иностранные СМИ малочисленны и удалены от российского общества. Почти нет острых дискуссий в духе А.М. Горчакова или Г.В. Чичерина – обе стороны избегают разговоров начистоту, а часто и не имеют достаточно ярких ораторов, обладающих профессионализмом и смелостью, чтобы такие дебаты вести. Неправительственные организации и научные центры также не являются доминирующими силами в диалоге, поэтому и этот канал перекрыт.

В то же время история знает прекрасные примеры того, что все достигаемо. Достаточно вспомнить активную внешнюю политику СССР в эпоху разрядки – тот же крутой разворот в отношении с ФРГ, который состоялся в конце 1960-х – начале 1970-х гг. Другой пример – отношения Армении и НАТО. Ереван сохраняет самодостаточность и независимость внешней политики, ведет диалог и с Россией, и с НАТО. При этом суверенитет Армении ни в коей мере не ставится под сомнение, а военные и дипломаты лишь выигрывают от обучения и в российских вузах, и на Западе.

Каковы же зоны, в которых после соответствующего политического сигнала можно будет наблюдать наибольший прогресс? Можно пойти по пути российского правительства и предложить семь приоритетов для антикризисного плана «Россия – НАТО».

Во-первых, это ратификация ДОВСЕ странами НАТО и их вовлечение в более широкую дискуссию о новой архитектуре европейской безопасности. Всем понятно сегодня – адаптированный ДОВСЕ нужен, он работает, он помогает снижать уровень угрозы, сокращать вооружения (что актуально в условиях экономического кризиса), и он не угрожает безопасности ни одной из стран. Речь идет исключительно о политической воле, тем более что те же страны Альянса взяли в свое время обязательство подключить к ДОВСЕ страны Балтии. Во многом ситуация вокруг договора сегодня напоминает пресловутую поправку Джексона-Вэника – абсурдность ее существования всем очевидна, все на словах хотят ее отменить, но при этом каждый год чуть-чуть не хватает политической воли. Короче говоря, ратификация ДОВСЕ – это всего лишь формальность, которая не должна стать препятствием для будущего по принципу *хватют мертвые живых*.

Одновременно нет никакой необходимости и в противопоставлении новой стратегической концепции НАТО предложениям президента Д.А. Медведева. Напротив, при грамотном пиаре совместные усилия титанов европейской мысли – Германии и Франции – могли бы быть представлены как развитие и продолжение логики Договора о европейской безопасности, дополнение идей на всеобщее обсуждение. И это была бы уже не игра с нулевой суммой, а работа на общий результат.

Во-вторых, стороны должны продолжить работу над созданием совместной системы ПРО ТВД. Она в любом случае станет *зонтиком* для Европы, вне зависимости от того, воплотятся ли в жизнь американские программы. Россия и НАТО уже накопили значительный потенциал и опыт в этой сфере. Теперь необходимо конвертировать их в нечто осязаемое – в центры раннего предупреждения, радары, перехватчики и т.п. Опять же речь идет лишь о политической воле – военные давно уже нашли здесь общий язык (успешные штабные учения, преимущества российских комплексов ПВО и т.п.). Этот проект может, кстати, быть и одним из элементов упомянутого выше экономического базиса.

В-третьих, у РФ и Альянса идеальное взаимопонимание в том, что касается спасательных операций и ликвидации последствий техногенных и природных катастроф. Россия и НАТО оказывают помощь тонущим судам, отрабатывают элементы защиты нефтяных морских платформ, готовят персонал к обеспечению безопасности ядерных объектов и т.п. Сотрудничество в этой области должно быть расширено, а коммерческое взаимодействие (те же российские самолеты для пожаротушения, не имеющие аналогов, или натовские батискафы) должно выйти за рамки эгоистического понимания национальных интересов как в России, так и на Западе.

В-четвертых, важен поиск зоны приложения миротворческих усилий. России и НАТО требуется совместная миротворческая операция. Позитивный опыт, приобретенный в Боснии и Герцеговине, не должен быть забыт, необходимо его преумножать. Таким *полигоном* могла бы стать Молдова, где конфликт с Приднестровьем, так или иначе, движется к разрешению. Возможно, стороны могли бы найти и менее чувствительную территорию – в Африке или на Ближнем Востоке, где было бы проще прийти к консенсусу, характер угрозы был бы очевиден, а незамедлительность действий – обязательна. В такой операции в большей степени, чем в любых учениях, отрабатывалась бы совместимость, формировалось боевое братство. И идеально было бы не замыкать эту деятельность лишь в рамках одной бригады, которой *назначено* ныне сотрудничество с НАТО, а распространять и на другие части и соединения российской армии.

В-пятых, общей головной болью для России и НАТО является Афганистан. И, следовательно, вместо того, чтобы играть мускулами в Центральной Азии или ставить в затруднительное положение небольшие, но верткие государства, типа Кыргызстана, необходимо сосредоточиться на совместных усилиях по стабилизации ситуации в Афганистане. Это не означает вовлечения российских военных в операции на территории этой страны. Но нужно и дальше развивать программы противостояния наркотической угро-

зе, вести подготовку вооруженных сил и полиции Афганистана, обмениваться разведданными, консультировать друг друга (прислушиваясь и к советскому опыту боевых действий с моджахедами), оказывать мягкое давление на афганское правительство и т.п.

В-шестых, нужна выработка совместных подходов к *замороженным конфликтам*. Возможно, с каждым из них нужно работать индивидуально, а не по общим лекалам. Но любому здравому смыслу противоречит непризнание независимости Косово, Абхазии и Южной Осетии. Их независимость – это факт, это экономически состоятельные образования, народы в которых не хотят жить под одной крышей с метрополиями. В то же время федеративная модель до конца не исчерпала себя в отношении Молдовы. И нагорно-карабахский конфликт вполне разрешим, если стороны почувствуют адекватное, координированное и последовательное давление со стороны посредников.

Наконец, Россия и страны НАТО могли бы подписать соглашение о предоставлении гарантий безопасности и закреплении границ Украины, Грузии, Армении, Молдовы и Азербайджана. Одновременно все эти государства приняли бы нейтральный статус и дали бы обязательства не вступать в военные блоки. Этот элегантный выход из нынешней патовой ситуации напрашивается с учетом того, что военная польза от всех этих государств минимальна, их экономикам очень трудно тянуть бремя военных расходов и милитаризации (тем более, в случае присоединения к какому-либо из альянсов). При этом нейтральный статус отнюдь не препятствовал бы заимствованию лучших практик и обучению в странах НАТО и в России.

Россия и НАТО должны подумать об одном-двух реалистичных пиар-проектах, которые позволили бы изменить общественное мнение с обеих сторон в пользу сотрудничества. За примерами далеко ходить не надо. Развернувшаяся ныне тихая война за Арктику – свидетельство недалековидного соперничества. Вместо милитаризации региона было бы логично начать его совместное освоение (включая контроль за защитой окружающей среды, борьбу с браконьерством и т.п.). И, возможно, подумать о договоре об Арктике, который повторял бы существующий Договор об Антарктике или о Луне, являющихся, как известно, собственностью всего человечества. Еще один проект – общая борьба с пиратством. И не только у берегов Сомали, но и в Малаккском проливе, где эта проблема не менее актуальна. Разумеется, здесь практически безграничное поле для креатива и продуцирования интересных и вполне конкретных пиар-инициатив.

Таким образом, у России и НАТО есть все возможности для развертывания полноценного партнерства. В перспективе по мере трансформации отношений можно было бы говорить и о более тесных формах сотрудничества, включая вступление РФ в Альянс для отражения означенных выше истинных угроз российской безопасности. Но, даже не заглядывая так далеко, можно уверенно сказать: при наличии политической воли у сторон появляется шанс переступить через ошибки прошлого, не заикливаться на стереотипах и начать строить конструктивные отношения.

Альтернативой этому будет лишь ослабление и России, и Европы, в том числе истощение в гонке *за престиж*, а также рост напряженности на континенте, который может быть усилен экономическим кризисом. Времени на размышления, к сожалению, остается все меньше – в международных отношениях наступает эпоха, требующая активных действий.

Примечания

¹ Strasbourg/Kehl Summit Declaration Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Strasbourg/Kehl on 4 April 2009, p. 35, http://www.nato.int/cps/en/SID-4D9E9176-AB08D213/natolive/news_52837.htm (последнее посещение – 13 апреля 2009 г.).

² Как справедливо заметил на Форуме «Стратегия-2020. Новая тактика» председатель комитета Госдумы по международным делам К.И. Косачев, «внешняя политика не может быть самоцелью, она – тот инструмент, с помощью которого решаются определенные задачи, и, в зависимости от поставленных задач, внешняя политика может быть как конфронтационной, так и направленной на сотрудничество». – <http://edinros.er.ru/er/text.shtml?72275/100026> (последнее посещение – 13 апреля 2009 г.).

³ Как отмечается в докладе Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), «большинство опрошенных экспертов признают, что даже те немногие сообщения, которые появляются в российской прессе и на телевидении, чаще всего касаются протокольных мероприятий либо по-прежнему выдержаны в негативном ключе (в частности, сюжеты о возможном вступлении Грузии и Украины в НАТО)». – Восприятие НАТО населением России. – М.: ВЦИОМ, 2006. С. 7.

⁴ По данным ВЦИОМ, 58% опрошенных скорее отрицательно относятся к НАТО. Аналогичную картину можно наблюдать на протяжении последних 15 лет, как показывает анализ базы предыдущих опросов. – Россияне о НАТО: 60 лет на защите интересов США в Европе. ВЦИОМ, Пресс-выпуск № 1191, 2009, 2 апреля, <http://wciom.ru/novosti/press-vypuski/press-vypusk/single/11670.html> (последнее посещение – 13 апреля 2009 г.).